Таинственное исчезновение Лютера встревожило всю Германию. Всюду спрашивали о нем. Ходили самые невероятные слухи, и многие были убеждены, что он убит. Не только его друзья, но и те, кто еще не решился открыто встать на сторону Реформации, скорбели о случившемся. Многие торжественно клялись отомстить за его смерть.

Высшие папистские чины с ужасом осознали, что народ возненавидел их. Хотя вначале они и ликовали при мысли о гибели Лютера, но вскоре у них осталось единственное желание — укрыться от народного гнева. Враги Лютера гораздо больше опасались его тайных действий, чем смелых и решительных поступков, совершаемых им на свободе. Те, кто в своей ярости искали погубить этого отважного реформатора, теперь страшились его, беспомощного пленника. "Единственный выход спасти себя, — сказал кто-то из них, — это с огнем в руках искать Лютера по всему миру и возвратить его народу". Императорский указ не имел никакой силы. Папские легаты были страшно возмущены, когда увидели, что судьба Лютера беспокоит народ намного больше, чем этот эдикт.

Радостные известия о том, что он жив и в безопасности, хотя и в неволе, не только успокоили народ, но и вызвали взрыв глубокой симпатии к нему. Его сочинения теперь читали с еще большим рвением, чем прежде. Постоянно росло число людей, вставших на сторону этого героического человека, который так бесстрашно защищал Слово Божье. Реформация приобретала все больший размах. Семя, посеянное Лютером, всходило повсюду. Его отсутствие позволяло совершить работу, которая не была бы сделана при нем. Когда выдающийся руководитель устранился, другие работники почувствовали особую ответственность. С обновленной верой и усердием они выступили вперед, делая все возможное, чтобы славное начинание беспрепятственно развивалось и дальше.

Но не бездействовал и сатана. Теперь он пытался совершить то, что делал всегда при любой попытке реформаторского движения, — обмануть и погубить людей, подменяя истину ложью. Подобно тому, как в первом столетии в христианской церкви объявлялись лжехриста, так и теперь, в XVI веке, объявились лжепророки.

Несколько человек, глубоко захваченных происходившим в христианском мире религиозным подъемом, вообразили, что им даны особые откровения Неба, и объявили, что Господь поручил им довершить дело, начатое Лютером. В действительности же они лишь губили все начинания Лютера. Ими был отвергнут один из основополагающих принципов Реформации, гласящий, что Слово Божье есть единственно правильное

мерило и веры, и жизни. Вместо этого безошибочного путеводителя они обратились к изменчивому и неопределенному критерию — своим чувствам и впечатлениям. И когда все стали руководствоваться этим обманным и ошибочным правилом, сатане открылся свободный доступ к сознанию людей.

Один из этих пророков утверждал, что им руководит сам ангел Гавриил. К нему присоединился некий студент, бросивший свои занятия и заявлявший, что Господь наделил его необходимой мудростью для истолкования Своего Слова. А к ним, в свою очередь, примкнули другие люди, имевшие естественную склонность к фанатизму. Деятельность этих энтузиастов произвела немало шума. Проповеди Лютера помогли людям осознать необходимость реформы, теперь же некоторые из этих искренних душ были введены в заблуждение новыми пророками.

Руководители нового движения отправились в Виттенберг к Меланхтону и его сотрудникам и заявили о своих правах. Они говорили: "Мы посланы Богом наставлять народ. У нас самое близкое общение с Ним. Нам известно будущее, короче говоря, мы пророки и апостолы, взывающие к доктору Лютеру".

Все это смутило и озадачило реформаторов. До сих пор они еще не встречались ни с чем подобным и не знали, что предпринять. Меланхтон сказал: "Эти люди во власти каких-то необыкновенных духов, но что это за духи?.. С одной стороны, мы должны быть осторожны, чтобы не погасить Духа Божьего, а с другой — должны быть внимательны, чтобы дух сатаны не обольстил нас".

Вскоре обнаружились и плоды нового учения. Люди стали пренебрегать Библией и вскоре совершенно забросили ее. В учебных заведениях началось замешательство. Студенты, не считаясь ни с чем, оставили занятия и покинули университеты. Люди, которые считали себя ответственными за дело Реформации, довели его чуть ли не до полного краха. Сторонники Рима торжествовали, утверждая: "Еще одна последняя схватка — и все опять будет в наших руках".

Когда до Вартбурга дошли известия об этом, Лютер с глубокой горечью сказал: "Я всегда ожидал, что сатана пошлет нам подобное бедствие". Он видел подлинную суть этих лжепророков и ту опасность, которая угрожала делу истины. Нападки папы и императора не вызывали у него такой тревоги и отчаяния, как это несчастье. Мнимые друзья Реформации превратились в самых злейших ее врагов. Именно те истины,

которые принесли его страдающей душе столько радости и утешения, сделались теперь причиной раздора и замешательства в церкви.

В проведении реформ Дух Божий руководил Лютером, и под Его водительством он совершил больше, чем вообще может сделать человек. Он не собирался действовать так решительно, как это произошло на самом деле, в его намерения не входило производить такие радикальные перемены. Он был только орудием в руках Безграничного Могущества. Размышляя о последствиях своей работы, он часто приходил в трепет и однажды заметил: "Я согласился бы десять раз умереть, нежели узнать, что мое учение принесло вред хотя бы одному человеку, пусть самому простому и темному. Впрочем, такого, конечно, не может быть, потому что мое учение и есть суть самого Евангелия".

Виттенберг, центр Реформации, один из первых подпал под власть фанатизма и беззакония. В этой прискорбной ситуации менее всего было повинно учение Лютера, но враги его утверждали именно это. В горести душевной он иногда спрашивал себя: "Неужели так окончится великое дело Реформации?" И снова после борения с Богом в молитве мир наполнял его сердце. "Это не мое дело. Господи, но Твое, — говорил он, — Ты не допустишь, чтобы его погубили суеверия и фанатизм". Но оставаться вдали от борьбы в это критическое время он не мог и твердо решил возвратиться в Виттенберг.

Без промедления Лютер отправился в это опасное путешествие. В империи он был вне закона. Враги по-прежнему имели право убить его; друзьям, как и прежде, запрещалось помогать ему и даже оказывать простое гостеприимство. Императорская власть предприняла самые строжайшие меры против его приверженцев. Но он видел, что работе Евангелия угрожала опасность, и, во имя Господа, бесстрашно выступил вперед, чтобы сражаться за истину.

В своем письме к курфюрсту, изложив причины своего решения оставить Вартбург, Лютер добавил: "Да будет известно Вашей княжеской милости, что я возвращаюсь в Виттенберг; я приду туда под защитой более высокой, чем княжеская. Я не хочу этим сказать, что не желаю защиты со стороны Вашей княжеской милости. Я полагаю лишь, что мог бы служить защитою для Вас в большей степени, чем Вы для меня. Разумеется, если бы я узнал, что Вы думаете об этом иначе, я не вознамерился бы приезжать. Но, по моему убеждению, в этом деле нельзя помочь ничем; один Бог способен здесь что-либо сделать помимо человеческой заботы и участия. Поэтому кто более всех верует, тот и защищен более всех".

Во втором письме, написанном по дороге в Виттенберг, Лютер добавлял: "Я готов навлечь на себя неудовольствие Вашего сиятельства и гнев всего мира. Разве жители Виттенберга не мои овцы? Разве Бог не вверил их мне? И разве я не должен, если это необходимо, пойти на смерть ради них? И, помимо того, я очень опасаюсь, как бы в Германии не произошло народного волнения, которым Бог может наказать наш народ".

С величайшей осторожностью и смирением и вместе с тем решительно и твердо Лютер приступил к своей работе. "Словом, — сказал он, — мы должны разрушить и уничтожить все то, что было насаждено насилием. Я не намерен силой искоренять суеверия и неверие... Никого не следует принуждать. Свобода — это и есть сущность веры".

Вскоре по всему Виттенбергу разнесся слух о возвращении Лютера и о том, что он будет проповедовать. Народ стекался со всех сторон, и вскоре церковь была переполнена. Поднявшись на кафедру, Лютер с необычайной мудростью и кротостью учил, увещевал и обличал. Упомянув о тех, кто силой пытался отменить мессу, он сказал: "Месса — ненужный обряд, который совершается против воли Господа и который должен быть отменен. Я желал бы, чтобы во всем мире вместо нее совершалась Вечеря Господня, установленная Евангелием. Но мы не должны никого принуждать к этому. Все в руках Господа, и действовать должно Его Слово, а не мы. А почему же, можете вы спросить? Потому что я не держу в своих руках человеческие сердца, как гончар держит глину. Мы имеем право говорить, но не имеем права действовать. Мы должны проповедовать, а все остальное предать в руки Божьи. Если я начну применять силу, к чему это приведет? Только к притворству, формализму, подражательству, лицемерию и появлению различных постановлений... Но во всем этом не будет ни сердечной искренности, ни веры, ни любви. Где нет этих трех добродетелей, там нет ничего, и я не дал бы и гроша за такой исход дела... Своим Словом Господь делает гораздо больше, чем вы и я, и весь мир. Бог завоевывает сердце, а когда сердце завоевано, то завоевано все...

Я буду проповедовать, вести дискуссии и писать, но я не буду никого принуждать, ибо вера может быть только добровольной. Подумайте над моими поступками. Я выступил против папы, индульгенций и папистов, но никогда не призывал к насилию, не возмущал народ. Я только провозглашал Слово Божье; я проповедовал и писал — вот и все. И даже когда я спал... проповедь моя разрушала твердыню папства, что было не под силу никаким императорам и князьям. И все же я не сделал ничего. Все совершено Словом. Если бы я обратился к насилию, то вся Германия была бы залита кровью. К чему бы это

привело? Это привело бы к гибели и души, и тела. Поэтому я буду хранить спокойствие, и пусть только Слово действует в мире".

В течение всей недели Лютер ежедневно проповедовал жаждущей толпе. И Слово Божье преодолело напор фанатиков. Сила Евангелия вернула заблудших людей на путь истины.

Лютер не имел никакого желания встречаться с фанатиками, которые породили столько зла. Он знал, что это были мятущиеся, необузданные люди, которые, претендуя на особые откровения Неба, не терпели ни малейшего возражения, ни самого кроткого обличения и совета. Притязая на наивысшую власть, они требовали от каждого беспрекословного признания их прав. Но когда они стали настаивать на встрече с Лютером, он согласился и с таким успехом разоблачил их, что эти самозванцы сразу же оставили Виттенберг.

На время это движение замерло, но спустя несколько лет фанатизм вспыхнул вновь, сопровождаясь еще большим насилием и вызывая еще более ужасные последствия. О руководителях этого движения Лютер говорил так: "Для них Священное Писание — только мертвая буква, и потому-то все они начали вопить: "Дух! Дух!" Я не намерен идти туда, куда направляет их этот дух. Пусть милостивый Господь сохранит меня от такой церкви, в которой все святые. Я желаю быть вместе с простыми, слабыми и больными — с теми, кто сознает свои грехи; кто постоянно взывает к Богу из глубины своего сердца, умоляя Его об утешении и защите".

Один из самых деятельных фанатиков, Томас Мюнцер, был одаренным человеком, который мог бы принести много пользы, если бы шел по истинному пути, но он не принял первоначальные принципы подлинной религии. "Он стремился преобразовать мир, но, как это часто бывает с энтузиастами, забыл о том, что прежде всего преобразование должно начаться с него самого". Честолюбивый, он жаждал власти и видного положения в обществе, не желая быть вторым — даже после Лютера. Он заявил, что реформаторы, опирающиеся на авторитет Библии, тем самым создают еще одну разновидность папства. По его утверждению, именно ему Господь поручил провести настоящую реформу. "Тот, кто обладает этим духом, — говорил Мюнцер, — обладает и истинной верой, если даже он и никогда в жизни не видел Священного Писания".

Эти учителя-фанатики полностью находились во власти эмоций, принимая любую свою

мысль и душевное движение за глас Божий, что и приводило к необычайным крайностям. Некоторые из них даже сожгли свои Библии, говоря: "Буква убивает, а Дух животворит". Учение Мюнцера побуждало людей стремиться к чему-то необыкновенному, удовлетворяя их гордость, — ведь их людские идеи и мнения ставились выше Слова Божьего. Тысячи последовали его учению. Он вскоре осудил все порядки общественного богослужения и заявил, что повиноваться князьям — значит пытаться служить и Богу, и Велиару.

Люди, чье духовное раскрепощение от папского ига только началось, были недовольны притеснениями со стороны светской власти. Революционное учение Мюнцера, якобы исходящее от Бога, позволяло его последователям считать себя свободными от всякой власти, давало волю их предрассудкам и страстям. И результаты не замедлили сказаться: начались столкновения и мятежи, Германия была залита кровью.

Глядя на последствия фанатизма, приписываемые Реформации, Лютер вновь переживал ту страшную душевную муку, которую испытал когда-то в Эрфурте. Папские вожди заявляли, и многие разделяли их мнение, что мятеж — естественный результат учения Лютера. Хотя для этого обвинения не имелось ни малейшего основания, оно привело реформатора в отчаяние. Это было выше его сил — видеть, как истину уравняли с примитивным фанатизмом. С другой стороны, зачинщики мятежа ненавидели Лютера, потому что он не только открыто боролся против их взглядов и отвергал их мнимую богодухновенность, но и объявил их бунтовщиками против светской власти. В ответ они назвали его подлым обманщиком. Казалось, он навлек на себя гнев и князей, и народа.

Ликующие паписты ожидали, что скоро Реформации придет конец. Они порицали Лютера даже за те ошибки, которые он так искренне стремился исправить. Приверженцы лжереформации всевозможными лживыми уловками доказывали, что с ними поступили очень несправедливо, и — как это часто бывает с притворщиками — добились того, что на них начали смотреть как на мучеников. Таким путем тех, кто изо всех сил боролся против Реформации, стали считать жертвами жестокости и насилия, им выражали сочувствие и уважение. Это было делом сатаны, которым руководил тот же дух, некогда приведший его к восстанию на небе.

Сатана постоянно занят тем, что обманывает людей и заставляет их называть грех праведностью, а праведность — грехом. Какого же блестящего успеха он добился! Каким многочисленным упрекам и обвинениям подверглись верные слуги Божьи только потому, что бесстрашно защищали истину! Люди, которые, несомненно, являются

приспешниками сатаны, пользуются уважением; их хвалят, льстят им и даже смотрят как на мучеников, в то время как те, кого действительно нужно уважать и поддерживать за их верность Богу, всеми оставлены, их презирают и подозревают в низких намерениях.

Притворная святость, поддельное освящение продолжают вводить людей в заблуждение. Принимая всевозможные формы, они действуют так же, как и во дни Лютера, отвращая людей от Писания и заставляя их прислушиваться больше к своим чувствам, нежели повиноваться закону Божьему. Стремясь опозорить чистоту и истину, сатана всегда действует подобным обратом — и добивается успеха.

Лютер бесстрашно защищал Евангелие от нападок со всех сторон. Слово Божье и здесь явило себя могущественным победоносным оружием. Этим же Словом Лютер сражался с узурпаторской властью папы, с рационалистической философией ученых; в то же время он, подобно скале, неколебимо отражал натиск фанатизма, стремившегося слиться с учением Реформации.

Каждая из этих противостоящих ему сторон на свой лад опровергала Священное Писание, считая источником духовности мудрость человека. Рационализм преклоняется перед разумом, делая его критерием истины. Римская церковь, претендующая на богодухновенность папы, восходящую в своей непрерывности к апостольским временам и остающуюся неизменной на протяжении веков, позволяет любую разнузданность и продажность укрыть священной мантией апостольского призвания. Притязания Мюнцера и его сторонников на богодухновенность были всего лишь плодами воображения, сказавшимися одинаково губительно как на светской власти, так и на церковной. Истинное христианство принимает Слово Божье как величайшее сокровище Божественной истины и как мерило любой идеи.

После возвращения из Вартбурга Лютер закончил перевод Нового Завета, и вскоре германский народ мог читать Евангелие на своем родном языке. Все возлюбившие истину с величайшей радостью приняли этот перевод Евангелия, но те, кто держался человеческих традиций и установлении, с презрением отвергли его.

Священники были встревожены тем, что простой народ получил возможность наравне с ними рассуждать о Слове Божьем, и теперь их невежество будет разоблачено. Их земная мудрость была бессильна против меча Духа. Призвав на помощь всю свою

власть, Рим стремился воспрепятствовать распространению Писания, но все указы, анафемы и пытки оказались тщетными. Чем больше Рим осуждал и запрещал Библию, тем сильнее было желание народа узнать подлинную истину. Все грамотные люди принялись знакомиться со Словом Божьим. Книгу носили с собой, читая и перечитывая до тех пор, пока не запоминали наизусть длинные отрывки. Увидев, с каким интересом встречен Новый Завет, Лютер не мешкая приступил к переводу Ветхого Завета и издавал его по частям, по мере продвижения своей работы.

Сочинения Лютера с равным интересом встречались как в городах, так и в селениях. "То, что писал Лютер и его друзья, распространялось другими. Монахи, убедившиеся в бессмысленности монашеского обета и возжелавшие после продолжительной бездеятельной жизни приняться за труд, но слишком несведущие для проповеди Слова Божьего, продавали книги Лютера и его друзей, обходя города и селения. Вскоре по всей Германии странствовали такие отважные книгоноши".

Эти сочинения вызывали глубокий интерес у богатых и бедных, ученых и необразованных. По ночам учителя сельских школ читали их вслух небольшим группам слушателей, собиравшимся у камина. Всякий раз несколько человек убеждались в истине и, в свою очередь, делились с другими Благой Вестью, услышанной ими.

Исполнялись слова Священного Писания: "Откровение Слов Твоих просвещает, вразумляет простых" (Пс. 118:130). Изучение Библии совершало большую перемену в умах и сердцах людей, которые столько времени находились в железных оковах папского господства. Верующие с суеверным страхом скрупулезно исполняли все обряды, которые, однако, слишком мало затрагивали душу. Ясные истины Слова Божьего, о которых говорил Лютер в своих проповедях, а затем и само Слово, данное в руки простого народа, пробудили дремавшие силы и не только очищали и облагораживали духовную природу человека, но и способствовали умственному развитию.

Повсюду можно было встретить людей разных сословий, которые с Библией в руках отстаивали учение Реформации. Паписты, которые в свое время разрешали читать Библию только священникам и монахам, теперь настойчиво приглашали их выступить с опровержением нового учения. Но священнослужители, которым было совершенно неведомо и Писание, и сила Божья, потерпели поражение от тех, кого они объявили неучами и еретиками. "К сожалению, — говорил один католический писатель, — Лютер внушил своим последователям не доверять ничему, кроме Священного Писания". Толпы народа собирались послушать, как малообразованные люди отстаивают истину в

диспутах с учеными и красноречивыми богословами. Позорное невежество этих влиятельных людей становилось особенно очевидным, когда их аргументы наталкивались на простые истины Слова Божьего. Ремесленники, солдаты, женщины и даже дети были больше знакомы с библейским учением, чем священники и богословы.

Разница между учениками Евангелия и приверженцами папских суеверий была ощутима среди ученых не меньше, чем среди простого народа. "Старым защитникам иерархии, которые не знали языков и литературы... противостояла благородная молодежь, которая, погрузившись в изучение Писания, знакомилась и с шедеврами классической древности. Обладая живым умом, возвышенной душой, бесстрашным сердцем, эти молодые люди вскоре приобрели такие познания, что долгое время никто был не в состоянии состязаться с ними... Когда молодые защитники Реформации встречались с католическими богословами, они с такой легкостью и уверенностью опровергали их аргументы, что эти невежды приходили в тупик и, конечно, терпели полное поражение".

Когда католические священники увидели, что их церкви пустеют, они обратились за помощью к светским властям, всеми усилиями пытаясь возвратить "потерянных овец". Но народ нашел в новом учении то, что питало душу, и отворачивался от тех, кто так долго кормил их не насыщающей шелухой суеверных обрядов и человеческих традиций.

Когда начались яростные преследования учителей истины, они вспомнили слова Христа: "Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой" (Мф. 10:23). Свет истины проникал повсюду. Преследуемые изгнанники, найдя где-нибудь гостеприимный кров, проповедовали там о Христе, иногда это удавалось делать в церкви, а когда не было такой возможности, они проповедовали в частных домах, в поле или в лесу. Святым храмом становилось любое место, где был хотя бы один слушатель. И истина, возвещаемая с такой энергией и настойчивостью, не знала преград.

Напрасны были все попытки духовной и светской власти уничтожить ересь. Напрасно они прибегали к помощи тюрем, пыток, костров и мечей. Тысячи верных детей Божьих отдавали свою жизнь, свидетельствуя об истине, которая неуклонно распространялась. Гонения только способствовали этому, и попытки дьявола соединить истину с фанатизмом привели к тому, что разница между работой сатаны и работой Божьей стала еще отчетливее.